

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. А. Некрасов
ПОЭМЫ

Школьная библиотека (Детская литература)

Николай Некрасов

ПОЭМЫ

Издательство «Детская литература»

2005

Некрасов Н. А.

Поэмы / Н. А. Некрасов — Издательство «Детская литература»,
2005 — (Школьная библиотека (Детская литература))

В сборник включены поэмы «Саша», «Коробейники», «Русские женщины» и др. Для старшего школьного возраста.

© Некрасов Н. А., 2005
© Издательство «Детская
литература», 2005

Содержание

«Страдания нас породнили»	8
Поэмы[1]	24
Саша[2]	26
1	26
2	28
3	35
4	40
Тишина[11]	44
1	44
2	45
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Алексеевич Некрасов

Поэмы

Николай Некрасов

1821 - 1878

«Страдания нас породнили» **(О поэмах Н. А. Некрасова 1850-70-х годов)**

«Бесконечная тянется дорога, и на ней, вслед промчавшейся тройке, с тоскою глядит красивая девушка, придорожный цветок, который сомнется под тяжелым, грубым колесом. Другая дорога, уходящая в зимний лес, и близ нее замерзающая женщина, для которой смерть – великое благословение... Опять бесконечная тянется дорога, та, страшная, которую народ прозвал проторенной цепями, и по ней, под холодной далекой луной, в мерзлой кибитке, спешит к своему изгнаннику-мужу русская женщина, от роскоши и неги в холод и проклятие» – так писал о творчестве Некрасова русский поэт серебряного века К. Бальмонт.

Стихотворением «В дороге» Некрасов начал свой путь, поэмой о странствиях по Руси мужиков-правдоискателей он его закончил. В характере Некрасова с детских лет укоренился тот дух правдоискательства, который искони был присущ его землякам, крестьянам-отходникам, костромичам и ярославцам. Сама любовь поэта к русскому народу была, по словам Ф. М. Достоевского, «как бы *исходом его собственной скорби по себе самом...* В любви к нему он находил свое оправдание. Чувствами своими к народу он возвышал дух свой». Некрасов «не нашел предмета любви своей между людей, окружавших его», не принял того, «что чтут эти люди и перед чем они преклоняются. Он отрывался, напротив, от этих людей и уходил к оскорбленным, к терпящим, к простодушным, к униженным... и бился о плиты бедного сельского родного храма и получал исцеление. Не избрал бы он себе такой исход, *если б не верил в него...* А коли так, то, стало быть, и он преклонялся перед *правдой народною...* признал *истину народную и истину в народе...*».

1

В многоголосье некрасовской лирики уже заключался, как в зерне, могучий эпический заряд его поэзии, таилась энергия выхода ее за пределы лирического сознания на широкий эпический простор. Стремление поэта к широкому охвату народной жизни приводило к созданию больших произведений, поэм, одним из первых опытов которых стала поэма «Саша». Она создавалась в счастливое время подъема общественного движения, на заре 1860-х годов. В стране назревали крутые перемены, появлялись люди сильных характеров, твердых убеждений. В отличие от культурных дворян, они были выходцами из общественных слоев, близко стоявших к народу. В поэме «Саша» Некрасов хотел показать, как формируются эти «новые люди», чем они отличаются от прежних героев – «лишних людей», идеалистов 1840-х годов.

Духовная сила человека, по Некрасову, питается кровными связями его с родиной, с народной святыней. Чем глубже эта связь, тем значительнее оказывается человек. И наоборот, лишенный «корней» в родной земле, человек превращается в слабое, безвольное существо. Поэма открывается лирической увертюрой, в которой повествователь, как блудный сын, возвращается домой, в родную русскую глушь, и приносит слова покаяния матери-Родине.

Иначе ведет себя человек его круга, культурный русский дворянин Агарин – бесспорно умный, одаренный и образованный. Но в характере этого «вечного странника» нет твердости и веры, потому что нет животворящей и укрепляющей человека любви к Родине и народным святыням:

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:
Верить, не верить – ему все равно,

Лишь бы доказано было умно!

Агарину противопоставлена в поэме дочь мелкопоместных дворян, юная Саша. Ей доступны радости и печали простого деревенского детства: по-народному чувствует она природу, любит праздничными сторонами крестьянского труда на кормилице ниве, жалеет срубленный лес.

В повествование о встрече Агарина с Сашей Некрасов искусно вплетает евангельскую притчу о сеятеле. Христос в этой притче уподоблял просвещение посева, а его результаты – земным плодам, вырастающим из семян на трудовой, плодородной ниве. Чем лучше удобрена почва на этой ниве, чем ласковее освещена она солнышком, чем щедрее напоена весенней влагой, тем богаче ожидаемый урожай. В поэзии Некрасова народный заступник и учитель обычно называется «сеятелем знания на ниву народную». В поэме «Саша» в роли такого «сеятеля» выступает Агарин, а благодатной «почвой» оказывается душа юной героини.

Агарин вторгается в патриархальный мирок деревенских старожиллов как человек странного душевного склада, непонятной манеры поведения и культуры. Рассказ о его появлении в деревне ведет в поэме не автор, а отец Саши, наивный провинциал. Даже описанный им портрет Агарина – «тонок и бледен», «мало волос на макушке» – содержит простонародное суждение о красоте и достоинстве человека по его физическому здоровью. Из речей Агарина, переданных устами патриархального дворянина, выветривается их высокое интеллектуальное содержание, они окрашиваются в сказочный колорит:

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна...

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!..
Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов...

Слова Агарина видоизменяются, пронизываются народными представлениями о стране обетованной за синими морями, где зимы не бывает и где живет человек в довольстве и справедливости. В патриархальной «наивности» восприятия есть мудрый здравый смысл народа, который помогает Некрасову национально укоренить сильные, а также оттенить и высмеять слабые стороны героя. Взгляд «добрых людей» простодушен, но целен, а потому и особенно чуток в оценке противоречий Агарина.

В то же время характеристика «современного героя» осложняется психологической самохарактеристикой рассказчика, не способного объяснить сложный внутренний мир интеллектуального героя и подыскивающего для странностей Агарина удобопонятную внешнюю причину:

Ты нам скажи: он простой человек
Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?

В рассказе старого помещика об Агарине постоянно струится эта двойственная ирония, так что автор находится и не на стороне Агарина, и не на стороне «славных людей»: он где-то посередине, он весь в предчувствии нового героя, в ожидании грядущего синтеза, живого плода, который принесет рождающаяся к сознательной интеллектуальной жизни Саша. Образ Агарина при этом обобщается и символизируется, превращается в «сеятеля»:

А остальное все сделает время,
Сеет он все-таки доброе семя!

Художественный интерес автора сосредоточен не только на сатирическом изображении «современного героя» и не только на ироническом саморазоблачении ограниченного патриархального сознания, а в первую очередь на том зарождающемся синтезе, который может произойти в результате столкновения и слияния двух этих сил и стихий русской жизни. Социалистические мечтания, упования на «солнце правды», которыми покоряет Сашу Агарин в свой первый приезд, как спелые зерна падают в плодородную почву ее сердобольной, христиански отзывчивой души и обещают дать в будущем «пышный плод». Что для Агарина было и осталось лишь словом, для Саши окажется делом всей ее жизни:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

2

Лирическая поэма «Тишина» знаменует существенный поворот в творчестве Некрасова. Поиски русской идеи, отраженные в некрасовских поэмах середины 1850-х годов («Саша», «В. Г. Белинский» и «Несчастные»), были связаны с культом героев, выдающихся исторических личностей. К народу поэт выходил опосредованно, через характеры «народных заступников». Судьбы России он связывал с успешным сближением интеллигенции и народа, причем творческой силой этого сближения он считал интеллигенцию, несущую в народ свет истины, «солнце правды». В «Тишине» происходит решительное смещение акцентов. Именно народ оказывается здесь творцом истории и носителем духовных ценностей, которые должна принять русская интеллигенция. В «Тишине» поэт лирически приобщается к народным святыням, но еще не погружается аналитически в крестьянские характеры. «Тишина» – лишь преддверие поэм о народе, восхождение мироощущения поэта до идеала, который поможет ему в «Коробейниках» и «Морозе, Красном носе» осветить изнутри крестьянскую жизнь.

Начало этой поэмы напоминает продолжение лирического стихотворения «В столицах шум...». Там, вслед за ощущением разрыва между суетою столиц и тишиной деревень, открылась поэту душевная даль, как только он соприкоснулся с «матерью-землею» и «колосьями бесконечных нив». Две первые строки «Тишины» – своеобразная прелюдия к поэме. Не случайно они отделены многоточием, паузой. Скользят и тают в сознании замки, моря и горы, а с ними вместе и тот душевный разлад, который они породили. Поэту открывается «врачующий простор» России. Хандра и уныние уже оттеснены внезапным чувством полноты жизни. В контакте с Родиной поэт надеется «одолеть свою судьбу», перед которой он «погнулся» в столице и за границей. Лирическую исповедь пронизывает народный склад ума, народное отношение к бедам и несчастьям – «наше горе», «русская печаль». Даже внутренний порыв поэта растворить, рассеять горе в природе соответствует типичной психологической ситуации народной песни:

Разнеси мысли по чистым нашим полям,
По зеленым лужкам...

Созвучна народной песне масштабность, широта поэтического восприятия:

Высоко солнце всходило, далеко осветило

Во все чистое поле, через синее море...

Поэт почувствовал себя странником, блудным сыном, возвращающимся к матери-Родине из-за «дальнего Средиземного моря». Синие моря и дальние заморские страны русских сказок и народных песен широкой волной поэтических ассоциаций заполняют поэму, входят в авторское сознание. Постоянно ощущается здесь исторически сложившееся и закрепленное сказочно-песенными формами народного искусства отношение к родине и чужбине – заморской стороне.

Традиционная лексика, определяющая душевные переживания российского интеллигента, теряет в поэме свою экспрессивность, окружается словами, имитирующими народный тип мышления:

Я там не свой: хандрю, немею...

«Там» – это «за дальним Средиземным морем». Прямое столкновение слов *хандра* и *дальнее Средиземное море* выглядело бы как стилистический винегрет. Но поэт окружает книжное слово фольклорными словами и образами, они «опекают» его со всех сторон и как бы присваивают себе. В поисках «примиренья с горем», в теме судьбы, которую «не одолеть» на чужбине, скрываются поэтические намеки на древнерусскую персонификацию «злой судьбы», «горькой доли», «горя-злочастия». Даже романтический «*ропот укорижны*» олицетворяется у Некрасова по законам фольклорной поэтики: «*за мною по пятам бежал*».

Крестьянская Русь в «Тишине» предстает в собирательном образе народа-героя, подвижника русской истории. В памяти поэта проносятся недавние события Крымской войны и обороны Севастополя:

Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный крик тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

Воссоздается событие эпического масштаба: в глубине крестьянской жизни, на русских проселочных дорогах свершается единение народа в непобедимую Русь перед лицом общенациональной опасности. В поэме воскрешаются мотивы древнерусских воинских повестей и фольклора. В период роковой битвы у автора «Слова о полку Игореве» «реки мутно текут», а у Некрасова «черноморская волна, еще густа, еще красна». В народной песне: «где мать-то плачет, тут реки прошли, где сестра-то плачет, тут колодцы воды», а у Некрасова:

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.

В поэме укрепляется вера Некрасова в народные силы, в способность русского мужика быть творцом национальной истории. Народ в «Тишине» предстает героем в «терновом венце», который, по словам поэта, «светлее победоносного венца». Светлее потому, что это героизм

духовный, подвижнический, осененный образом Спасителя, увенчанного колючими терниями. Крымская война закончилась поражением России, сдачей Севастополя, потерей на долгие годы Черноморского флота. Но физическое поражение компенсировалось духовной победой народа-страстотерпца, не щадившего себя на бастионах, проявившего чудеса храбрости и готовность умереть «за други своя».

По мере того как поэт приобщается к общенародному чувству, изменяется его душевное состояние, обретая спокойствие и гармонию в восприятии мира. В первой главе природа России вызывает захватывающее ощущение дали, что и оправдано психологически настроением человека, еще только вырывающегося из тяжелого состояния душевной замкнутости. Он жаждет почувствовать безбрежность, его увлекает простор, равнинность России. Пейзаж накладывается широкими и щедрыми мазками, которые создают ощущение далекой перспективы, освежающего простора. Поэт как бы стремится взлететь над миром в этом чувстве бодрящей легкости, свободы, воздуха.

В четвертой, заключительной главе пейзаж получает иную окраску: появляются мягкие тона, подчеркнутая экспрессивность и масштабность картин природы ступенчато, они становятся более теплыми, интимными, ласкают и радуют взор. Живая степь волнуется ржи без конца и без края сменяется шелковистой зеленью лугов, тревожная суровость русских рек – неподвижной гладью озер в травянистых коврах берегов. В тональности пейзажа четвертой главы затухает порывистость и напряженность, уходят тревожные образы грозы, бури, шума лесов. Природа заботливо охраняет теперь душевный покой поэта, только что выдержавшего борьбу, окружает его тенистыми ветвями березовых рощ, стелет путь зелеными листьями, втягивает поэта в свою благодатную глушь. Сделать частью своего душевного мира эту глушь и в соединении с нею получить источник жизненных сил поэт смог лишь тогда, когда обнаружил в крестьянине душу живого человека, такую же безбрежную, как и приволье русской природы. Тишина в душе поэта сливается здесь с народной тишиной, ибо в ней поэт почувствовал не «смертельный сон», а «вековую тишину», историческую думу народа. Сквозь героические события Крымской войны воспринимает теперь поэт и крестьянина-пахаря, несмотря на горе, нужду и мирские треволения бодро шагающего за сохой:

Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И Богу уступай – не споря...

В «Тишине» не только прославляется народный подвиг, но и происходит сердечное приобщение поэта к его первоисточнику, к общенародной святыне, к тому духовному ядру, на котором держится русский национальный характер в тысячелетней отечественной истории:

Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки

И язвы с совести больной...

«Вот слияние интеллигенции с народом, полнее и глубже которого нет, – сказал по поводу этих стихов русский религиозный мыслитель начала XX века С. Н. Булгаков. – Но многие ли из интеллигентов, читателей и почитателей Некрасова, склонялись перед этим „скудным алтарем“, соединяясь с народом в его вере и молитве? Скажу прямо: единицы. Масса же, почти вся наша интеллигенция, отвернулась от простонародной „мужицкой“ веры, и духовное отчуждение создавалось между нею и народом».

Характерно у Некрасова именно русское приобщение к национальной святыне – не в уединенной и обособленной, но в общей с верующим народом соборной молитве. Церковь для Некрасова не только молитвенное братство ныне живущих православных христиан, но и «собор» ушедших поколений, которые вместе с народом и поэтом предстоят сейчас «перед этим скудным алтарем». Как русский человек, Некрасов верит, что христианская святость и благодать нисходит на «собор» верующих душ, соединенных любовью. В письме к Л. Н. Толстому от 5 мая 1857 года, в период работы над поэмой «Тишина», Некрасов так сформулировал эту мысль: «Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению – страшного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. Но вот Вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы – и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука... Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу – и Вы придете в отчаяние».

3

И вот в следующей поэме – «Коробейники» – Некрасов пытается расширить круг своих читателей. Поэма из народной жизни посвящается «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды Костромской губернии)». Она адресована не только столичному, но и деревенскому читателю, грамотному мужику. Некрасов ищет опоры в народе и одновременно хочет помочь народу познать самого себя – в самом замысле поэмы реализуется провозглашенная им «круговая порука».

«Коробейники» – поэма-путешествие. Бродят по сельским просторам торгаши, мужики-отходники – старый Тихоныч и молодой его помощник Ванька. Перед их любознательным взором проходят одна за другой пестрые картины жизни кризисного, тревожного времени. Сюжет дороги превращает поэму в широкий обзор российской провинциальной действительности. Все, что происходит в поэме, воспринимается глазами народа, всему дается крестьянский приговор. Главные критики и судьи – не патриархальные мужики, а «бывалые», много повидавшие в своей страннической жизни и обо всем имеющие свое собственное суждение. В России, которую они судят, «все переверотилось»: старые устои жизни разрушаются, новое находится в брожении. Вкладывая в уста народа резкие антиправительственные суждения, Некрасов не грешит против правды. Многое тут идет от его общения со старообрядцами, к числу которых принадлежал и Гаврила Яковлевич Захаров. Оппозиционно настроенные к царю и его чиновникам, они резко отрицательно оценивали события Крымской войны, усматривая в них признаки наступления последних времен перед вторым Христовым пришествием.

В этом же убеждают коробейников их наблюдения над жизнью господ, порвавших связи с Россией, проматывающих в Париже трудовые крестьянские денежки на дорогие и пустые безделушки. Характерной для нового времени представляется им история Титушки-ткача. Крепкий, трудолюбивый крестьянин стал жертвою творящегося в стране беззакония и превратился в «убогого странника» – «без дороги в путь пошел». Тягучая, заунывная песня его, сливающаяся со стоном разоренных российских сел и деревень, со свистом холодных ветров на скудных

полях и лугах, готовит в поэме трагическую развязку. В глухом костромском лесу коробейники гибнут от рук такого же «странника», убогого и бездорожного, – отчаявшегося лесника, напоминающего и внешне то ли «горе, лычком подпоясанное», то ли лешего – жутковатую лесную нежить.

Трагическая развязка в поэме спровоцирована и самими коробейниками. Это очень совестливые мужики, критически оценивающие и свое торгашеское ремесло. Трудовая крестьянская мораль постоянно подсказывает им, что, обманывая братьев мужиков, они творят несправедливое дело, «гневят Всевышнего», что рано или поздно им придется отвечать перед Ним за «душегубные дела». Потому и приход их в село изображается как искушение для бедных девок и баб. Вначале к коробейникам выходят «красны девушки-лебедушки», «жены мужние – молодушки», а после «торга рьяного» – «посреди села базар», «бабы ходят точно пьяные, друг у дружки рвут товар». Как приговор всей трудовой крестьянской России своему несправедливому пути, выслушивают коробейники бранные слова крестьянок:

Принесло же вас, мошейников!
Из села бы вас колом.

И по мере того как набивают коробейники свои кошельки, все тревожнее они себя чувствуют, все прямее, все торопливее становится их путь, но и все значительнее препятствия. Поперек их пути становится не только русская природа, не только потерявший себя лесник. Как укор коробейнику Ваньке – чистая любовь Катеринушки, той самой, которая предпочла всем щедрым подаркам, всему предложенному «богачеству» – «бирюзовый перстенок», символ этой любви. Неспроста именно этот эпизод из поэмы Некрасова выхватил чуткий русский народ и превратил в свою песню – «великую песню», по определению А. Блока.

В трудовых крестьянских заботах топит Катеринушка после разлуки с милым свою тоску по суженому. Вся пятая глава поэмы, воспевающая самозабвенный труд и самоотверженную любовь, – упрек торгашескому ремеслу коробейников, которое уводит их из родимого села на чужую сторону, отрывает от трудовой жизни и народной нравственности. В ключевой сцене выбора пути окончательно определяется неизбежность трагического финала в жизни коробейников. Они сами готовят свою судьбу. Опасаясь за сохранность тугих кошельков, они решают идти в Кострому «напрямки». Этот выбор не считается с непрямыми русскими дорогами («Коли три версты обходами, прямыми будет шесть»). Против коробейников, идущих напрямком и напролом, как бы восстают дебри русских лесов, топи гибельных болот, сыпучие пески. Тут-то и сбываются их роковые предчувствия, и настигает их ожидаемое возмездие.

Примечательно, что преступление «Христовой охотнички», убивающего коробейников, совершается без всякого материального расчета: деньгами, взятыми у них, он не дорожит. Тем же вечером, в кабаке, «бурля и бахвалясь», в типично русском кураже, он рассказывает всем о случившемся и покорно сдает себя в руки властей. В «Коробейниках» ощутима двойная полемика направленность. С одной стороны, тут урок реформаторам-западникам, которые, направляя Россию по буржуазному пути, не считают с особой «формулой» русской истории, о которой говорил Пушкин. А с другой стороны, здесь урок радикалам-нетерпеливцам, уповающим на русский бунт и забывающим, что он бывает «бессмысленным и беспощадным».

4

Вскоре после крестьянской реформы 1861 года в России наступили «трудные времена». Начались преследования и аресты: сослан в Сибирь сотрудник «Современника» поэт М. Л. Михайлов, арестован Д. И. Писарев, летом 1862 года заключен в Петропавловскую крепость Чернышевский, а вслед за этим и журнал Некрасова правительственным решением приоста-

новлен на шесть месяцев. Нравственно чуткий поэт испытывал стыд перед друзьями, которых уносила борьба. Их портреты со стен квартиры на Литейном смотрели на него «укоризненно». Драматическая судьба этих людей тревожила его совесть. В одну из бессонных ночей, вероятнее всего во владимирской усадьбе Алешунино, в нелегких раздумьях о себе и опальных друзьях выплакалась у Некрасова великая покаянная песнь – лирическая поэма «Рыцарь на час», одно из самых проникновенных произведений о сыновней любви поэта к матери, покаянной любви к Родине. Все оно пронизано глубоко национальными православно-христианскими исповедальными мотивами. Подобно Дарье, Матрене Тимофеевне, другим героям и героиням своего поэтического эпоса, Некрасов в суровый судный час обращается за помощью к материнской любви и заступничеству, как бы сливая в один образ мать человеческую с Матерью Божией. И вот совершается чудо: образ матери, освобожденный от тленной земной оболочки, поднимается до высот неземной святости.

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах...

Это уже не земная мать поэта, а «чистейшей любви божество». Перед ним и начинает поэт мучительную и беспощадную исповедь, просит вывести заблудшего на «тернистый путь» в «стан погибающих за великое дело любви».

Рядом с культом женской святости в поэзии Некрасова мы получили, по словам Н. Н. Скатова, «единственный в своем роде поэтически совершенный и исторически значимый культ материнства», который только и мог создать русский национальный поэт. Ведь «вся русская духовность, – утверждал Г. П. Федотов, – носит богородичный характер, культ Божией Матери имеет в ней настолько центральное значение, что, глядя со стороны, русское христианство можно принять за религию не Христа, а Марии». Крестьянки, жены и матери, в поэзии Некрасова в критические минуты их жизни неизменно обращаются за помощью к Небесной Покровительнице России. Несчастливая Дарья, пытаясь спасти Прокла, за последней надеждой и утешением идет к Ней.

К Ней выносили больных и убогих...
Знаю, Владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Когда Матрена Тимофеевна бежит в губернский город спасать мужа от рекрутчины, а семью – от сиротства, она вызывает к Богородице, «касясь снежной скатерти горящей головой»:

Открой мне, Мать Божия,
Чем Бога прогневила я?

«Рыцарь на час» – произведение русское в самых глубоких своих основаниях и устоях. Поэму эту Некрасов очень любил и читал всегда «со слезами в голосе». Сохранилось воспоминание, что вернувшийся из ссылки Чернышевский, читая «Рыцаря на час», «не выдержал и разрыдался».

В обстановке спада общественного движения 1860-х годов значительная часть радикально настроенной интеллигенции России потеряла веру в народ. На страницах «Русского слова» одна за другой появлялись статьи, в которых мужик обвинялся в грубости, тупости и невежестве. Чуть позднее и Чернышевский подаст голос из сибирских снегов. В «Прологе» устами Волгина он произнесет приговор «жалкой нации, нации рабов»: «снизу доверху все

сплошь рабы». В этих условиях Некрасов приступает к работе над новым произведением, исполненным светлой веры и доброй надежды, – к поэме «Мороз, Красный нос».

Первотолчком к ее рождению могли послужить и события личной жизни. На исходе лета 1862 года Некрасов пребывал в состоянии тревоги и растерянности, потеряв верных друзей и оказавшись не у дел после приостановки издания «Современника». Поздней осенью 1862 года он получил известие о смерти отца, добрые отношения с которым после разрыва отроческих лет были давно восстановлены. Некрасов уехал в Грешнево, распорядился строительством нового родового склепа в Абакумцеве, неподалеку от могилы умершей в 1841 году матери, хлопотал об устройстве на собственные средства начальной школы для крестьянских детей со священником Благовещенской церкви. Тяжелое состояние духа нашло отражение в посвящении к сестре, Анне Алексеевне Буткевич, которым поэма и открывается. Обращение к «сеятелю и хранителю» в трудные минуты жизни всегда действовало на поэта исцеляюще. Так случилось и на этот раз.

Центральное событие «Мороза...» – смерть крестьянина, и действие в поэме не выходит за пределы одной крестьянской семьи. В то же время и в России и за рубежом ее считают поэмой эпической. На первый взгляд это парадокс, так как классическая эстетика считала зерном эпической поэмы конфликт общенационального масштаба, воспевание великого исторического события, всколыхнувшего и объединившего весь народ, оказавшего большое влияние на судьбу нации.

Однако, сузив круг действия в поэме, Некрасов не только не ограничил, но как бы укрупнил ее проблематику. Ведь событие, связанное со смертью крестьянина, с потерей кормильца и надежды семьи, уходит своими корнями едва ли не в тысячелетний национальный опыт, намекает невольно на многовековые наши потрясения. Некрасовская мысль развивается здесь в русле довольно устойчивой, а в XIX веке чрезвычайно живой литературной традиции. Семья – основа национальной жизни. Эту связь семьи и нации чувствовали творцы нашего эпоса от Некрасова до Льва Толстого и Достоевского. Идея семейного, родственного единения возникла в нашем отечестве как самая насущная еще на заре его истории. И первыми русскими святыми оказались не герои-воины, а скромные князья, родные братья Борис и Глеб, убиенные окаянными Святополком. Уже тогда ценности братской, родственной любви возводились у нас в степень общенационального идеала.

Крестьянская семья в поэме Некрасова – частица всероссийского мира: мысль о Дарье переходит в думу о величавой славянке, усопший Прокл уподобляется крестьянскому богатырю Микуле Селяниновичу. В таком же богатырском величии предстает и отец Прокла, скорбно застывший на высоком бугре:

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Белинский писал: «Дух народа, как и дух частного человека, высказывается вполне в критические моменты, по которым можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил».

С XIII по XX век Русская земля по меньшей мере раз в столетие подвергалась опустошительному нашествию. Событие, случившееся в крестьянской семье, потерявшей кормильца, как в капле воды отражает исторические беды российской женщины-матери. Горе Дарьи торжественно определяется в поэме как «великое горе вдовицы и матери малых сирот». Великое – потому что за ним трагедия многих поколений русских женщин – невест, жен и матерей. За ним – историческая судьба России: невозполнимые потери лучших национальных сил в

опустошительных войнах, в социальных катастрофах веками отзывались сиротской скорбью русских семей.

Сквозь бытовой сюжет просвечивает у Некрасова эпическое событие. Испытывается на прочность крестьянский семейный союз; показывая семью в момент драматического потрясения ее устоев, Некрасов держит в уме общенародные испытания. «Века протекали!» В поэме это не поэтическая декларация: всем содержанием, всем метафорическим строем поэмы Некрасов выводит сиюминутное событие к вековому течению российской истории, крестьянский быт – к всенародному бытию.

Вспомним глаза плачущей Дарьи, как бы растворяющиеся в сером пасмурном небе, плачущем ненастным дождем. А потом они сравниваются с хлебным полем, истекающим перезревшими зернами-слезами. Наконец, эти слезы застывают в круглые и плотные жемчужины, сосульками повисают на ресницах, как на карнизах окон деревенских изб:

Кругом – поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

Только эпический поэт мог так дерзко соотнести снежную равнину в алмазах с очами Дарьи в слезах.

Образный строй «Мороза...» держится на этих смелых метафорах, выводящих бытовые факты к всенародному бытию. К горю крестьянской семьи по-народному прислушлива в поэме природа: как живое существо, она отзывается на происходящие события, вторит крестьянским плачам суровым воем метелицы, сопутствует народным мечтам колдовскими чарами Мороза, как бы олицетворяющего собою красоту и мощь природных и народных богатырских сил. Смерть крестьянина потрясает весь космос крестьянской жизни, приводит в движение скрытые в нем энергии, мобилизует на борьбу с несчастьем все духовные силы. Конкретно-бытовые образы, не теряя своей заземленности, изнутри озвучиваются песенными, былинными мотивами. «Поработав земле», Прокл оставляет ее сиротою – и вот она под могильной лопатой отца «ложится крестами», священная мать сыра земля. Она тоже скорбит вместе с Дарьей, вместе с чадами и домочадцами враз осиротевшей, подрубленной под корень крестьянской семьи. И Савраска осиротел без своего хозяина, как богатырский конь без Микулы Селяниновича.

За трагедией одной крестьянской семьи – судьба всего народа русского. Мы видим, как ведет он себя в тягчайших исторических испытаниях. Смертельный нанесен удар: существование семьи кажется безысходным и обреченным. Как же одолевает народный мир неутешное горе? Какие силы помогают ему выстоять в трагических обстоятельствах?

В тяжелом несчастье, обрушившемся на семью, люди менее всего думают о себе. Никакого ропота и стенаний, никакого озлобления или претензий. Горе поглощается всепобеждающим чувством сострадательной любви к ушедшему из жизни человеку вплоть до желания воскресить его ласковым словом. Уповая на божественную силу Слова, домочадцы вкладывают в него всю энергию самозабвенной воскрешающей любви:

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

Так же встречает беду и овдовевшая Дарья. Не о себе она печется, но, «полная мыслью о муже, Зовет его, с ним говорит». Даже в положении вдовы она не мыслит себя одинокой.

Думая о будущей свадьбе сына, она предвкушает не свое счастье только, но и счастье любимого Прокла, обращается к ушедшему мужу, радуется его радостью:

Вот – дождались, слава Богу!
Чу! бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..

Некрасовская героиня в своем духовном складе несет то же свойство сострадательного отклика на горе и беду ближнего, каким сполна обладает национальный поэт, тот же дар высокой самоотверженной любви:

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну...

Ей-то казалось, что нить жизни Прокла она держит в своих добрых и бережных руках. Да вот не уберегла, не спасла. И думается ей теперь, что нужно бы любить еще сильнее, еще самоотверженнее, так, как любил человека Христос, так, как любила Сына Матерь Божия. К Ней, как к последнему утешению, обращается Дарья, отправляясь в отдаленный монастырь за Ее чудотворной иконой. А в монастыре свое горе: умерла молодая схимница, сестры заняты ее погребением. И, казалось бы, Дарье, придавленной собственным горем, какое дело до чужих печалей и бед? Но нет! Такая же теплая, родственная любовь пробуждается у нее и к чужому, «дальнему» человеку:

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

Когда в «Илиаде» Гомера плачет Андромаха, потерявшая мужа Гектора, она перечисляет те беды, которые теперь ждут ее: «Гектор! О, горе мне, бедной! О, для чего я родилась!» Но когда в «Слове о полку Игореве» плачет русская Ярославна, то она не о себе думает, не себя жалеет: она рвется к мужу исцелить «кровавые раны на жестоцем его теле». И когда теряет князя Дмитрия Донского супруга его Евдокия, она так же плачет об усопшем: «Како зайде, свет очю моею? Почто не промолвиши ко мне? Цвете мой прекрасный, что рано увядаеши?... Солнце мое, рано заходиши; месяц мой прекрасный, рано погибавши; звездо восточная, почто к западу грядеши?» И некрасовскую Дарью в безысходной, казалось бы, ситуации укрепляет духовно та же самая русская отзывчивость на чужое несчастье и чужую боль.

Дарья подвергается в поэме сразу двум испытаниям: два удара принимает она на себя с роковой неотвратимостью. За смертью мужа и ее наступает гибель. Но все преодолевает Дарья силой духовной любви, обнимающей весь Божий мир: природу, землю-кормилицу, хлебное поле. И умирая, она больше себя любит Прокла, детей, вечный труд на Божьей ниве:

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,
Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Это исключительное свойство русского национального характера народ наш пронес сквозь мглу суровых лихолетий от «Слова о полку Игореве» до «Прощания с Матёрой», до плача ярославских, вятских, сибирских крестьянок, героинь В. Белова, В. Распутина, В. Крупина, В. Астафьева... В поэме «Мороз, Красный нос» Некрасов поднял глубинные пласты нашей веры – неиссякаемый источник выносливости и силы народного духа, столько раз спасавшего и возрождавшего Россию из пепла в лихие годы национальных катастроф и потрясений.

5

Начало 1870-х годов – эпоха очередного общественного подъема, связанного с деятельностью революционных народников. Некрасов сразу же уловил первые симптомы этого пробуждения и не мог не откликнуться по-своему на их болезненный характер. В 1869 году С. Г. Нечаев организовал в Москве тайное революционно-заговорщическое общество «Народная расправа». Программа его была изложена Нечаевым в «Катехизисе революционера»: «Наше дело – страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение». Провозглашался лозунг: «Цель оправдывает средства». Чтобы вызвать в обществе революционную смуту, допускались любые, самые низменные поступки: обман, шантаж, клевета, яд, кинжал и петля. Столкнувшись с недоверием и противодействием члена организации И. И. Иванова, Нечаев обвинил собрата в предательстве и 21 ноября 1869 года с четырьмя своими сообщниками убил его. Так полиция нашла след организации, и уголовное дело превратилось в шумный политический процесс. Достоевский откликнулся на него романом «Бесы», а Некрасов – поэмами «Дедушка» и «Русские женщины».

Русский национальный поэт и в мыслях не допускал гражданского возмущения, не контролируемого высшими нравственными принципами, не принимал политики, не освященной христианским идеалом. Убеждение, что политика – грязное дело, внушалось, по мнению Некрасова, лукавыми людьми для оправдания своих сомнительных деяний. У человека, душою болеющего за отечество, не может быть к ним никакого доверия. Народные заступники в этих поэмах Некрасова не только извне окружены подвижническим ореолом, они и внутренне, духовно все время держат перед собой высший идеал богочеловеческого совершенства, а политику воспринимают как религиозное делание, освященное высшими заветами евангельской правды.

«Христианское просвещение, развивающее и воспитывающее личность, а не случайное усвоение обрывков знания, употребляемых как средство агитации, – вот в чем нуждается народ наш, – утверждал С. Н. Булгаков. – Историческое будущее России, возрождение и восстановление

ние мощи нашей Родины или окончательное ее разложение, быть может, политическая смерть, находятся в зависимости от того, решим ли мы эту культурно-историческую задачу: просветить народ, не разлагая его нравственной личности. И судьбы эти история вверяет в руки интеллигенции». В числе истинных просветителей России, которые работают на ее возрождение, Булгаков в первую очередь называл «родного нашего Некрасова».

24 ноября 1855 года в письме к В. П. Боткину Некрасов говорил о Тургеневе с великой надеждой: этот человек способен «дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни». В своей надежде Некрасову суждено было разочароваться. И вот в поэмах историко-героического цикла он попытался сам дать русским политикам достойный подражания идеал. Все народные заступники в поэзии Некрасова – идеальные герои хотя бы потому, что, в отличие от атеистического, нигилистического уклона, свойственного реалиям русского освободительного движения, они напоминают и внешним своим обликом, и внутренним, духовным, содержанием русских святых.

Создавая историко-героические поэмы, Некрасов действовал «от противного»: они были своеобразным упреком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта. Впрочем, и ранее, в лирических стихотворениях на гражданские темы, Некрасов придерживался той же эстетической и этической установки. По его собственным словам, в «Памяти Добролюбова», например, он создавал не реальный образ Добролюбова, а тот идеал, которому реальный Добролюбов, по-видимому, хотел соответствовать.

В своих поэмах Некрасов воскрешал высокий идеал не монашеской святости, а святости мирянина именно в той мере, в какой эта святость утверждалась учением святых отцов и органично вошла в народное сознание. Так, для некрасоведов-атеистов камнем преткновения долгое время оказывались слова вернувшегося из ссылки героя поэмы «Дедушка»: «Днесь я со всем примирился, что потерпел на веку». Они не понимали, что христианское смирение отнюдь не означает примирения со злом, а, напротив, утверждает открытую и честную борьбу с ним, что и подтверждается далее всем поведением героя. Но *христианское* сопротивление мирскому злу действительно *исключает личную вражду, кровную месть*. «Чем меньше личной вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих врагов – всех вообще и особенно тех, с которыми он ведет борьбу, – тем эта борьба его будет, при всей ее необходимой суровости, духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее, – замечает русский мыслитель И. А. Ильин в работе „О сопротивлении злу силою“. – Сопротивляющийся злу должен прощать личные обиды; и чем искреннее и полнее это прощение, тем более простивший способен вести намеченную, предметную борьбу со злом, тем более он призван быть органом живого добра, не мстящим, а понуждающим и пресекающим».

Христианское содержание поэмы «Дедушка» проявляется буквально во всем, даже в деталях чисто внешнего плана. Возвращающийся из ссылки герой «пыль отряхнул у порога», как древний библейский пророк или новозаветный апостол, «отрясающий прах со своих ног». Действие это символизирует христианское прощение всех личных обид и всех прошлых скорбей и лишений. «Сын пред отцом преклонился, ноги омыл старику». С точки зрения реалий нового времени, действие сына может показаться странным. Однако Некрасов ведь создает идеальный образ и прибегает в данном случае к известной евангельской ситуации, когда Иисус Христос перед Тайной Вечерей омыл ноги своим ученикам, будущим апостолам. Этот древний обряд знаменовал особое уважение к человеку.

Апостольские, христианские моменты подчеркнуты и во внешнем облике Дедушки:

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит.

«Детскость» и мудрая простота героя тоже восходят к евангельским заповедям Христа. Однажды, призвав дитя, Он поставил его перед учениками и сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф., 18, 3–4).

«Песни» Дедушки – это почти молитвенные покаяния за грехи соотечественников, ибо, по пророчеству Исаии, Господь «помилует тебя по голосу вопля твоего»: «Содрогнитесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные!..» (Исаия, 32,11). «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительство, разорят и тебя» (Исаия, 33,1).

Тревога за судьбу отечества и боль за беззакония соотечественников – причина страданий, принятых некрасовским героем на каторге, и источник его исповедально-обличительных песен и молитв:

Всем доставалось исправно,
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страню висел...
Видел имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью и свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

Грозные библейские мотивы буквально пронизывают эту поэму. Герой оглашает свою «келью» «вавилонской тоской». Эта тоска – напоминание о трагических событиях библейской истории, о разрушении одного из самых богатых и преуспевающих царств. Библейское предание устами пророка Иереми повествует о страшной гибели Вавилона, навлекшего Господень гнев за разврат и беззаконие его жителей.

Поэма «Дедушка» обращена к молодому поколению. Некрасову очень хотелось, чтобы юные читатели унаследовали лучшие нравственные ценности, служению которым можно отдать жизнь. Характер Дедушки раскрывается перед внуком постепенно, по мере сближения героев и по мере того, как взрослеет Саша. Поэма озадачивает, интригует, заставляет внимательно вслушиваться в речи Дедушки, зорко всматриваться в его внешний и внутренний облик, в его действия и поступки. Шаг за шагом читатель приближается к пониманию народолюбивых идеалов Дедушки, к ощущению духовной красоты и благородства этого человека. Цель нравственного, христианского воспитания молодого поколения оказывается ведущей в поэме: ей подчинены и сюжет и композиция произведения.

Центральную роль в поэме играет рассказ героя о поселенцах-крестьянах в сибирском посаде Тарбагатай, о предприимчивости крестьянского мира, о творческом характере народного, общинного самоуправления. Как только власти оставили народ в покое, дали мужикам «землю и волю», артель вольных хлебопашцев превратилась в общество свободного и дружного труда, достигла материального достатка и духовного процветания.

Замысел декабристской темы у Некрасова рос и развивался. В поэмах «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня Волконская» поэт продолжил свои раздумья о характере русской женщины, начатые в поэмах «Коробейники» и «Мороз, Красный нос». Но если там воспевалась

крестьянка, то здесь создавались идеальные образы женщин из светского круга. Подчеркивая демократические, христианские основы идеалов своих героинь и героев, Некрасов развивал и творчески углублял то, что в идеологии декабристов лишь зарождалось.

В основе сюжета двух этих поэм – любимая Некрасовым тема дороги. Характеры героинь мужают и крепнут в ходе встреч и знакомств, сближений и столкновений с разными людьми во время их долгой дороги. Напряженного драматизма полон мужественный поединок княгини Трубецкой с иркутским губернатором. В дороге растет самосознание другой героини, княгини Волконской. В начале пути ее зовет на подвиг супружеский долг. Но встречи с народом, знакомство с жизнью российской провинции, разговоры с простыми людьми о муже и его друзьях, молитва с народом в сельском храме ведут героиню к духовному прозрению.

Подвиг декабристов и их жен в «Русских женщинах» представлен Некрасовым не только в исторической его реальности, но и в идеальных параметрах святости. В отечественных житиях классическим образцом женской святой считается образ Юлиании Лазаревской. Юлиания видела свое призвание в верности супружескому долгу. Княгиня Трубецкая, прощаясь с отцом, говорит, что ее зовет на подвиг высокий и трудный долг, который в беседе с иркутским губернатором она уже называет «святым». А ее отъезд вызывает ассоциации с уходом праведника от «прелестей» мира, лежащего в грехе:

Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины – сборище Иуд,
А женщины – рабы.

В сознании героини ее муж и друзья, гонимые и преследуемые властями, предстают в ореоле страстотерпцев. В поэме есть скрытая параллель с одной из заповедей блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф., 5, 10).

Этот христианский подтекст нарастает в «Русских женщинах», усиливаясь во второй части – «Княгиня Волконская». Финальная сцена поэмы, рисуя встречу Волконской с мужем в каторжном руднике, построена так, что напоминает содержание любимого народом апокрифа «Хождение Богородицы по мукам», повествующего о том, как Пресвятая Дева Мария пожелала видеть мучения грешников в аду и умолила Христа дать им облегчение.

Чудо сошествия Богородицы во ад подсвечивает сюжетное действие этого финального эпизода. По мере того как Мария Волконская уходит все далее и глубже в подземную бездну рудника, отовсюду бегут ей навстречу «мрачные дети тюрьмы», «дивясь небывалому чуду». Души грешников, обитающих в этом адском месте, ощущают на мгновение святую тишину, благодатное облегчение:

И тихого ангела Бог ниспослал
В подземные копи – в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал
И замерло словно движенье...

И вот среди грешников находится тот, кто достоин прощения и искупления:

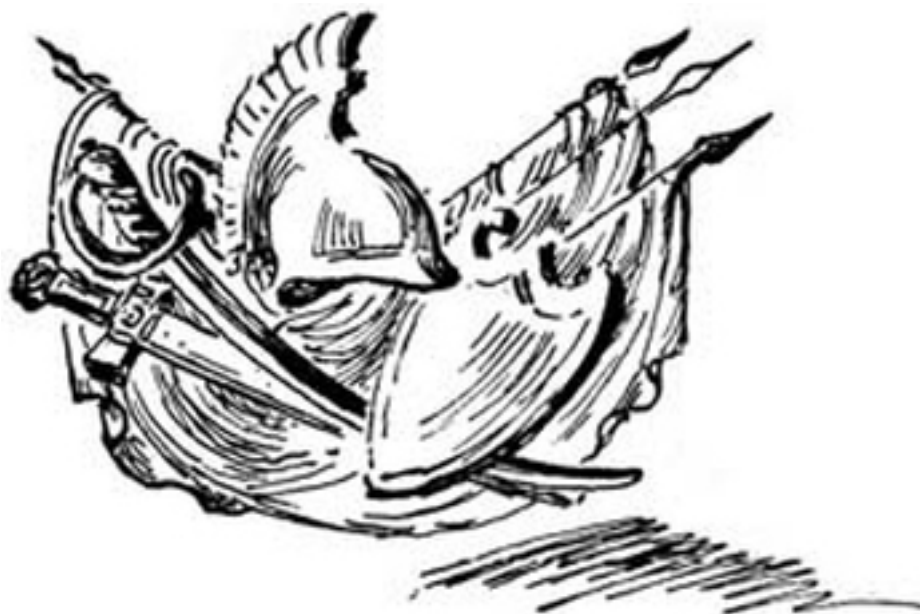
Но кроток был он, как избравший его
Орудьем Своим Искупитель.

Великая страдальца явлением своим в «пропасти земли», состраданием своим как бы открывает грешникам путь к спасению.

Таким образом, в творчестве Некрасова 1850-х – начала 1870-х годов возникло два типа поэмы: первый – эпические произведения из жизни крестьянства, второй – историко-героические поэмы о судьбах народолюбивой интеллигенции. Синтез двух жанровых разновидностей Некрасов попытался осуществить в поэме-эпосе «Кому на Руси жить хорошо».

Ю. Лебедев

Поэмы¹

---

¹ Тексты некрасовских поэм печатаются по Полному собранию сочинений и писем Н. А. Некрасова в пятнадцати томах (Л.: Наука, 1981; издание продолжается).

² Впервые: Современник. 1856. № 1 с посвящением И. С. Тургеневу. Поэма создавалась в период тесных дружеских взаимосвязей Некрасова с Тургеневым. «Я дошел в отношениях к тебе до такой высоты любви и веры, – признавался поэт Тургеневу, – что говаривал тебе самую задушевную мою правду о себе. Заплати и мне тем же». Осенью 1854 года Некрасов гостил у Тургенева в Спасском-Лутовинове. Большую часть времени друзья проводили на охоте, обменивались друг с другом творческими замыслами, вели долгие беседы о судьбе России в преддверии начинавшегося тогда общественного подъема. 30 июня – 1 июля 1855 года Некрасов писал Тургеневу: «Помнишь, на охоте как-то прошептал я тебе начало рассказа в стихах – оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе...» Одновременно с Некрасовым Тургенев работает над романом «Рудин». Их волнует судьба культурного дворянина, та роль, которую он призван сыграть в новых исторических обстоятельствах. И роман «Рудин», и поэма «Саша» рождаются в тесном и заинтересованном общении писателей друг с другом. Не случайно сюжеты их во многом перекликаются, а Некрасов сопровождает первую публикацию «Саши» посвящением И. С. Тургеневу и печатает роман «Рудин» вместе с «Сашей» в том же номере «Современника». Однако дружба писателей имела четкие пределы. Даже в пору самой сердечной близости с Тургеневым Некрасов работал над романом «Тонкий человек, его приключения и наблюдения». Это роман о дворянине 1840-х годов, получившем умозрительное, далекое от жизненной практики воспитание. В отличие от Тургенева образ такого дворянина окрашивался у Некрасова в иронические тона. Ирония проступала уже в заглавии романа («Тонкий человек...») и подхватывалась в тексте пародийными обыгрываниями «тонкости» героя. Некрасов не принимал тургеневского оправдания слабостей «лишнего человека», пародировал и снижал открытый Тургеневым тип. В поэме «Саша» эта пародийность была смягчена, но тем не менее дворянин Агарин не произвел на Тургенева положительного впечатления: «Он (Некрасов. – Ю. Л.) написал „Сашу“ и, по своему обыкновению, обмелил тип». В поэме действительно дается одна из первых критических оценок «лишнего человека» с типичным для него противоречием между словом и делом, а в лице главной героини, Саши, определяются характерные признаки героя нового времени, цельного и решительного, близкого к народу. В. Н. Фигнер вспоминала: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом – вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни». (Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 92.) Революционно-демократическая критика (Чернышевский и Добролюбов) ценила поэму главным образом за критический подход к Агарину, в котором угадывались черты современных либералов, героев громкого слова и робкого дела. Критика либеральной и славянофильской ориентации обращала преимущественное внимание на образ Саши и связанные с ним картины русской природы, на жизнеутверждающий пафос произведения. А. В. Дружинин в рецензии на второй том сборника «Для легкого чтения», в котором был опубликован отрывок из «Саши» под заглавием «Срубленный лес», писал: «... Отрывок этот, по нашему мнению, составляет лучшее украшение всей поэмы... Полнотой, свежестью и поэтической зоркостью отличаются эти строки... Поэт сохранил в душе своей и физиономию нахмуренной ели, и старой сосны, и стон верхушек осин – и трупы поверженных деревьев вдруг живо стали перед ним, и даже тонкие тени, заходившие по пням беловатым, не ускользнули, не забежали в сторону от впечатлительного его глаза... Зорко и тонко, со всеми мелочами охватил он прелестнейшую картину, достойную первостатейного мастера». (Библиотека для чтения. 1859. № 9. «Литературная летопись». С. 20, 22.) 7 февраля 1856 года С. Т. Аксаков писал И. С. Тургеневу: «В последних стихах его (т. е. в „Саше“). – Ю. Л.) так много истины и поэзии, глубокого чувства и простоты, что я поражен ими, ибо прежде не замечал ничего подобного в его стихах». (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 14. СПб., 1900. С. 353.) К. С. Аксаков в «Обзрении современной литературы» противопоставил «Сашу» обличительному направлению некрасовской поэзии: «Некоторые из прежних его произведений пропитаны едким цинизмом картин и чувств... В стихотворении его „Саша“ и других является так же сила выражения и сила чувства, но очищенная и движимая иными, лучшими стремлениями». (Русская беседа. 1857. № 1. Отд. «Обозрения». С. 8–9.) Аполлон Григорьев, высоко оценивший «Сашу», писал: «Тут все пахнет черноземом и скошенным сеном; тут рожь слышно шумит, стонет и звенит лес; тут все – живет от березы до муравья или зайца, и самый склад речи веет народным духом». (Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 488.)

Саша²

1

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоем —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется – сосна да осина...
Невесела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум³?...
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

---

³ *Что же молчит мой озлобленный ум?*... – Отзвук пушкинской характеристики Евгения Онегина «с его озлобленным умом, кипящим в действии пустом». Речь здесь идет о бесплодном сомнении и рефлексии, которым отдал дань лирический герой поэмы и которые были свойственны «лишним людям». Именно это качество культурного дворянства будет обличать поэт далее в образе Агарина.

Спящих в могилах виновных теней⁴
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился,

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенья страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну⁵:

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

---

⁴ ...*Спящих в могилах виновных теней*... – намек на Николая I, приведшего страну к катастрофе в Крымской войне и скончавшегося 18 февраля 1855 года.

⁵ *Мать не враждебна и блудному сыну*... – Путь лирического героя на родину осмысливается здесь как приобщение «вечного странника», «лишнего человека» к России народной и обретение веры в нее. Лирический герой в этой поэме близок к автору, но не сливается с ним. В его облике есть черты, свойственные целому поколению людей 1840-х годов, культурных русских дворян.

Некогда стих мне суровый внушил⁶...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди – соседи мои,

Славные люди! Радушье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалёко их дом.
Всё ли застану по-прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы! —
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку – напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

---

⁶ *Весело въехал я в дом тот угрюмый, Что, осенив сокрушительной думой, Некогда стих мне суровый внушил...* – Речь идет о поместье Некрасова Грешнево и о стихотворении «Родина», в котором давалась преувеличенно резкая картина крепостнического своеволия в доме отца. Позднее, в автобиографических записях, Некрасов замечал: «В произведениях моей ранней молодости встречаются стихи, в которых я желчно и резко отзывался о моем отце. Это было несправедливо, вытекало из юношеского сознания, что мой отец крепостник, а я либеральный поэт. Но чем же другим мог быть тогда мой отец? – я побивал не крепостное право, а его лично, тогда как разница между нами была собственно во времени».

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитяtko ваше, —

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?...
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно, —
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятъя: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полям идешь – всё цветы да цветы,
В небо глядишь – с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей, —

Думает Саша, – безумно роптанье...»

Жизни кругом разлитой ликование

Саше порукой, что милостив Бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю полют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любо, кормилица-нива! —
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: "Поскорей! поскорей!"

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!

Саша проснется – бежит на гумно.
Солнышка нет – ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребеночек пегой,

Пар из отворенной риги валит⁷,
Кто-то в огне там у печки сидит.

---

⁷ ...Пар из отворенной риги валит... – Рига – специальная постройка для сушки снопов и обмолота просушенных колосьев на ладони – гладкой и утрамбованной земляной площадке, устроенной в риге.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают⁸

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло – начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалось «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» – Так что ж?

"Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу – серп удалой,
Девиче взрослой – жених молодой!»

– Вот еще выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!» —

---

⁸ ...высоко молотила взлетают... – Молотило – часть цепа в виде прикрепленной к цепу на эластичном ремне короткой палки-колотушки, которая ударяла по снопу при молотье и выбивала зерно из колосьев.

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки – и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал – и вон побежал,

В темную нору забила лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,

Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна, —

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц – пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелися,
Словно там гнезда жар-птиц завелися,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы насядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полоскою янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петть будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, – но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?...

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?...

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылись мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
"Был, – говорит, – я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов⁹ —

Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю». —
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

---

⁹ ...Много видал я больших городов, Синих морей и подводных мостов... – «Подводными мостами» назывались в XIX веке пять лондонских туннелей через Темзу, среди которых Темзский туннель, построенный в 1843 году, считался одним из «чудес света».

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

«Но, – говорит, – не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!»

И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же – отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди – пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

«Бил, – говорит, – я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!»
Перекрестился – и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! – да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:

Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем – и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу – и ахнул сосед!
!Словно оробел. Мудреного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала,

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

«Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол».
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил – мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила – была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
«Тешится новой игрушкой дитя!»

Саша ушла – не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «Нездорова».

Книжек прислал – не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится Богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу».

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?... он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама беспокойна;
То говорит: «Я его недостойна» —

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку цалует!

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель¹⁰?

---

¹⁰ ...Или какой чернокнижник-губитель?... – колдун, обладающий способностью сглаза или порчи людей по наговору.

Или не сам ли он бес-искуситель?...

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится – Бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! – современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир, – говорит, – осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...

Дело веков поправлять нелегко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись – комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует – не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить – ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только навверное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется – беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?... нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное всё сделает время.
Сеет он всё-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, – то бугор, то овраг.

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее – в три четверти груди, —

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега, —

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитяtko ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

¹¹ Впервые: Современник. 1857. № 2. За исключением 3-й главы, написанной в 1856 году в Риме, поэма создавалась летом 1857 года по возвращении Некрасова из-за границы. Глава 3 посвящена героической обороне Севастополя в только что закончившейся Крымской войне. Поэт принял близко к сердцу севастопольские события и даже собирался ехать в осажденный город. 1 июля 1855 года он писал Тургеневу: «Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно – боюсь, не поздно ли уже будет?» В рецензии на брошюру «Осада Севастополя» Некрасов писал: «Несколько времени тому назад корреспондент газеты „Times“ сравнивал осаду Севастополя с осадой Трои. Он употребил это сравнение только в смысле продолжительности осады, но мы готовы допустить его в гораздо более обширном смысле, именно в смысле героизма, которым запечатлены деяния защитников Севастополя... Мы решительно утверждаем, что только одна книга в целом мире соответствует величию настоящих событий – и эта книга „Илиада“. В поэму входила также глава, в которой Александр II как великий реформатор сравнивался с Петром I. Впоследствии Некрасов ее из поэмы исключил, сообщив в письме к Тургеневу от 25 декабря 1857 года о том, что глава эта была написана и включена в поэму из тактических соображений: „Кстати расскажу тебе быль, из коей ты усмотришь, что благонамеренность всегда пожинает плоды свои. По возвращении из-за границы тиснул я „Тишину“ (наполовину исправленную), а спустя месяц мне объявлено было, чтоб я представил свою книгу на 2-е издание“. Поэма получила сочувственные отклики друзей Некрасова и журнальной критики. Л. Н. Толстой в письме к поэту назвал первую часть „Тишины“ „чудесным самородком“. Критика подметила, что содержание „Тишины“ „резко противоречит духу прежних произведений“ (Сын отечества. 1857. № 43.) А. С. Суворин писал: „Некрасова действительно любят у нас, но любят не потому только, что он является грозным сатириком, что ему удается вызвать часто своими стихами чувство негодования в читателе, а потому особенно, что он чувствует жизнь, что он нашел в ней примиряющий элемент... Успокоение это вносится в душу поэта чувством любви к родине-матери и к народу... И нива просветлеет перед поэтом, станет пышней и красивей, и ласковой замашет лес своими вершинами, и слезы хлынут из глаз, и в умилении посылает он привет и рекам родным, и деревенской тишине, и широким нивам, и Божий храм пахнет на него детски чистым чувством веры, и пропадут отрицанье и сомненье. „Войди с открытой головой“, – шепчет ему какой-то голос. И чудные упруго-металлические стихи вырываются у поэта, стихи скорби и любви льются из-под пера его, когда он входит в Божий храм и вспоминает о народе, который он так любит, народе-герое, который в борьбе суровой не шатнулся до конца, которого венец терновый светлее победоносного венца“. (Русская речь. 1861. С. 103–104.) Рецензент журнала „Светоч“ отмечал: „При первом шаге за рубеж своей родины поэт отдается весь ее чарующему влиянию: он весь проникается разлитой повсюду родной по крови жизнью: полной грудью пьет он воздух беспредельно раскинутых перед ним полей и в этом воздухе находит источник обновляющих сил. Вся природа в глазах поэта принимает праздничный вид, все улыбается ему, все манит в братские объятия, в святую минуту свидания с милой родиной он забывает, как еще недавно здесь же, полный „мучительных дум“, выносил он тяжелое страданье, обливался кровавыми слезами, как еще недавно из его наболевшей груди вырывались болезненные стоны; но все прощено, все исчезло... поэт помнит одно: что он на родине, что он видит то, перед чем привык благоговеть, может быть далекое, давно минувшее детство. Тот, кто умеет так чувствовать, может, положив руку на сердце, смело сказать, что он любил и любит свою родину!.. Ни в одном произведении своем Некрасов не являл нам таких образов, какие он явил в „Тишине“. (Светоч. 1862. Кн. 1. Отд. „Критическое обозрение“. С. 104–105.) Аполлон Григорьев включил «Тишину» Некрасова как произведение, исполненное любви к «почве», к родине и народу, в историко-литературный ряд: «Поставьте в параллель с этою искренностью любви к почве первые, робкие, хотя затаенно страстные, признания великого Пушкина в любви к почве в „Онегине“ – и вы поймете разницу двух эпох литературы, припомните тоже полусардоническое, язвительное, но тоже страстное признание почве в любви к ней Лермонтова („Люблю я родину“ и проч.) – и потом посмотрите, до какого высокого лиризма идет Некрасов, нимало не смущаясь». (Время. 1862. № 7. Отд. П. С. 39.)

Тишина¹¹

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не наглед я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но тыдохнула – и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю

Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!»
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...

Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны, —
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту выслала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту яркой битвы —
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами¹²
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И всё минуло... всё молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,

---

¹² *Французов с красными ногами...* – Имеется в виду обмундирование французов, особенностью которого были красные шаровары.

Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву Небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит – и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы Небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и он¹³... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,

---

¹³ Молчит и он... – Севастополь, олицетворяющий в поэме живое существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.